

«Вернуться в родительский дом»?

Хо Уцзю уничтожил государство этого правителя, а тот, в свою очередь, казнил отца Хо Уцзю. И после того, как дело зашло так далеко, этот человек умудряется нести чушь о том, что империя Цзин теперь — «родной дом» Хо Уцзю?

За всеми этими словами о семейных традициях скрывался лишь неприкрытый повод: снова вытащить Хо Уцзю на свет и в очередной раз всласть над ним поиздеваться.

Занимаясь изучением исторических хроник тысячелетней давности, Цзян Суйчжоу успел составить определенное мнение об этом монархе. Тот был глуп настолько, насколько это вообще возможно. Этот подлый трюк с «визитом невесты» определенно не мог родиться в его собственной пустой голове.

Цзян Суйчжоу заметил, как император обменялся многозначительными взглядами с Пан Шао. В десяти случаях из десяти это означало, что Пан Шао и государь действуют в сговоре. Император хотел сорвать злость на пленнике, а Пан Шао жаждал ему угодить — вот временщик и подкинул эту «блестящую» идею.

(«временщик» используется как исторический и литературный термин для обозначения человека, который пользуется неограниченным влиянием на правителя (фаворита), фактически захватив власть в свои руки.)

Они спелись, достигли полного взаимопонимания и оба остались довольны собой. А вот расхлебывать всё это дерьмо в итоге придется ему, Цзян Суйчжоу.

Неважно, кто именно задумал унижить генерала; для самого Хо Уцзю и император, и Цзян Суйчжоу — змеи из одного гнезда. Император Шуньхэн потешится и получит удовольствие, а «счет» Хо Уцзю выставит именно Цзян Суйчжоу.

Если Цзян Шуньхэн так не дорожит своей жизнью — пускай творит что хочет, но он не имеет права делать ставку на голову Цзян Суйчжоу.

Цзян Суйчжоу стиснул зубы. Он обязан был отказаться за Хо Уцзю, причем найти для этого максимально убедительный повод.

Он выдержал паузу, и на его изысканном, почти вызывающе красивом лице проступили неприязнь и замешательство.

— Императорский брат, полагаю, в этом нет необходимости, — произнес он, опуская веки.

Густые ресницы скрыли истинные чувства в его глазах, демонстрируя лишь холодный отказ.

— Этот калека едва ли достоин появиться в столь почтенном месте. Боюсь, его вид лишь напрасно вызовет у Вашего Величества отвращение.

Он говорил медленно, и брезгливость в его голосе была более чем очевидна.

Слова звучали красиво, будто бы он пекся исключительно о душевном спокойствии императора. Но любому присутствующему было ясно: принц просто считает это позором для себя и пытается отделаться вежливыми отговорками.

В самом деле, он всё же был принцем крови, и являться во дворец под руку с военнопленным

ради обряда «возвращения невесты» — это выглядело слишком нелепо и унижительно.

Многие придворные не скрывали злорадных ухмылок. А император, услышав ответ, оживился еще больше.

— Что такое? Не хочешь выводить «её» в свет? Пятый брат, только вчера у вас была брачная ночь, неужто сегодня ты уже так к «ней» охладел?

Слушая этот издевательский тон, Цзян Суйчжоу не мог не почувствовать отвращения, но ему приходилось продолжать игру.

Он помедлил, изображая крайнюю неловкость от того, что его заставляют обсуждать интимную близость, и спустя мгновение произнес вполголоса:

— Императорский брат, это... совсем другое дело.

Император зашелся в хохоте, и по всему залу разлилась атмосфера глумливого веселья. Пан Шао снова дважды кашлянул. Император посмотрел на него и увидел, как дядя многозначительно подмигивает ему снизу.

Государь всё понял. Еще до начала аудиенции дядя наставлял его: предложение заставить Хо Уцзю «вернуться в родительский дом» — отличный способ унижить Цзян Суйчжоу, но это лишь слова. Куда важнее использовать этот повод как рычаг, чтобы выторговать у принца Цзина кое-какие лакомые куски.

Хотя самого императора не особо интересовало, что там есть у брата, возможность отобрать у него что-то всегда приносила ему удовольствие. Даже теперь, когда он перестал быть жалким законным принцем, обделенным вниманием отца, и сам стал императором, его привычки не изменились.

Император прочистил горло, устроился на троне поудобнее и бесцеремонно закинул ногу на подушку сиденья.

— Что ж, раз пятый брат так не хочет расставаться со своей «красавицей в золотом тереме», я не стану тебя принуждать, — протянул он с усмешкой. — Однако если ты решил спрятать такое сокровище, ты должен предложить что-то взамен, не так ли?

Цзян Суйчжоу незаметно нахмурился. Как он и предполагал, эта подлая уловка была придумана Пан Шао. Раз тот порадовал императора, он не уйдет без награды. А если император не собирался платить сам, Пан Шао решил забрать плату у принца. Вот только... что такого ценного может быть у него, праздного принца, занимающего формальную должность?

Цзян Суйчжоу помедлил и осторожно спросил:

— Слушаю волю императорского брата.

Император прочистил горло:

— Я тут подумал... Строительство родового храма в дворцовом комплексе — дело серьезное. Его должно курировать Министерство строительства, а не Министерство ритуалов. Как раз на днях наложница Луань умоляла меня позволить её отцу помочь тебе с этими заботами. Пятый брат, нельзя же расстраивать красавицу, ты согласен?

У Цзян Суйчжоу дрогнула бровь.

«Вот оно что».

К воцарению этого императора коррупция в Южной Цзин достигла своего апогея благодаря власти Пан Шао. С древних времен чиновникам было проще всего набивать карманы на масштабном строительстве, а самым прибыльным делом всегда было возведение императорских покоев. Именно поэтому, когда император затеял строительство нового дворца, Пан Шао лишь потакал ему. Пока стены росли, золото из государственной казны полноводной рекой утекало напрямик в карманы Пана.

Судя по всему, ремонт дворца еще не был завершен, и Пан Шао вовсю точил зубы на этот «жирный кусок». Однако Цзян Суйчжоу не совсем понимал, как такая очевидная кормушка вообще оказалась в его руках.

Он на мгновение замолчал, незаметно обводя взглядом зал. Кто-то с интересом наблюдал за спектаклем, кто-то хранил ледяное молчание. Несколько чиновников выглядели явно напряженными и то и дело бросали на него тревожные взгляды. За этим внешним спокойствием бурлили темные течения. Было ясно, что в зале присутствуют как минимум две противоборствующие фракции.

В душе Цзян Суйчжоу зародилось нехорошее подозрение. Судя по обстановке... похоже, у него при дворе тоже есть скрытые сторонники, и именно они приложили руку к тому, чтобы этот прибыльный проект оказался у принца Цзина. Манипулируя императором, Пан Шао просто пытался отбить добычу.

В таком случае ситуация осложнялась. Сделав шаг назад, он ударит не только по своим интересам, но и по интересам тех, кто на него ставил. Однако...

Во-первых, он сейчас был «в тумане»: не знал придворных дел, не представлял, кто его союзники, а кто враги. Даже если он удержит этот проект, он не сможет им управлять и наверняка попадет в беду. Во-вторых, перед ним стоял выбор из двух зол: либо отказаться от выгоды и подвести соратников, либо притащить Хо Уцзю во дворец на растерзание, окончательно став его врагом.

Цзян Суйчжоу вздохнул. Его буквально поджаривали на медленном огне. Но если сравнивать — собственная голова была дороже всего.

Император на троне продолжал язвительно подгонять его:

— Пятый брат, ну что же ты молчишь? Нужно выбирать: либо красавица, либо прибыльное дельце!

Цзян Суйчжоу поднял глаза. На этот раз неприязнь и гнев на его лице не были притворными.

— Императорский брат прав. Младшему брату действительно не стоит брать на себя чужие полномочия, — медленно произнес он.

Он увидел, как улыбка императора стала еще более самодовольной.

Солнце стояло уже высоко, тени деревьев за окном колыхались. Лучи пробивались сквозь

молодую листву и падали на темные отполированные полы причудливыми пятнами. В свете кружились пылинки, придавая воздуху почти осязаемую густоту. В комнате стояла залитая светом тишина.

Лекарь Чжоу в изнеможении стоял на коленях, выпрямив спину, а на его лбу выступила мелкая испарина. Его глаза были широко распахнуты, шея напряжена, и он боялся даже шелохнуться. Прямо к его горлу, к пульсирующей вене, был прижат острый, окровавленный обломок дерева. Кровь на нем была чужая, но лекарь кожей чувствовал, насколько остра эта щепка — одно движение, и она перережет ему гортань.

— Госпожа... Генерал! Генерал, если хотите что-то узнать, просто спросите, я всё скажу! — дрожащим голосом взмолился он.

Над его головой раздался низкий голос. Это был Хо Уцзю. Он сидел в инвалидном кресле, чуть подавшись вперед. Одна его рука небрежно лежала на колене, а вторая сжимала ту самую щепу, намертво прижатую к горлу лекаря.

— Зачем он тебя прислал? — спросил он, чуть склонив голову и глядя на человека снизу вверх ледяным, пронзительным взглядом.

Лекарь Чжоу заикался от страха:

— Раб... раб прислан по приказу евнуха Цяньшаня, чтобы обработать ваши раны!

Хо Уцзю холодно отрезал:

— Говори правду.

Лекарь был готов разрыдаться:

— Это и есть правда!

Хо Уцзю окинул его ледяным взглядом, изучая с головы до ног. Не похоже на ложь, но нельзя исключать, что он хороший актер. Когда этот человек пришел и назвался лекарем, у Хо Уцзю сразу возникли подозрения. Император Цзин был дураком, но принц Цзин — нет. Если император хотел лишь потешиться над пленником, то у принца наверняка были и другие цели.

Если принц не предпринимал открытых действий, значит, он что-то замышлял. Ему могла быть нужна информация об армии Лян или он хотел использовать пленника в борьбе против императора. Хотя вчерашнее поведение принца не вязалось со слухами, сами слухи не рождаются на пустом месте. Если принц хотел усыпить его бдительность и взять под контроль, лучшим способом было бы опоить его лекарствами под видом лечения.

Хо Уцзю смотрел на лекаря, который дрожал как осиновый лист, и оставался безучастным.

— Открой рот, — приказал он.

Лекарь, дрожа, подчинился. В следующую секунду в его рот влетела пилюля. Прежде чем он успел сообразить, Хо Уцзю железной хваткой сжал его челюсть и заставил проглотить лекарство, резко вскинув его голову вверх. Пилюля провалилась в желудок.

Зрачки лекаря расширились. Почти сразу он почувствовал резкую, обжигающую боль, поднимающуюся из живота. Перед ним прекрасный, словно божество, генерал неспешно убрал

окровавленную щепу и выпрямился, упершись руками в колени. Его глаза были черными, как бездонный омут, спокойными и беспощадными, точно у жнеца смерти.

Он откинулся на спинку кресла. Сидя на простом деревянном сиденье, он умудрялся сохранять величие полководца, восседающего на тигриной шкуре в военном шатре.

Он посмотрел на лекаря Чжоу и произнес:

— Это лекарство разест твои внутренности меньше чем за четверть часа. Пока у меня еще есть противоядие — говори. Зачем они тебя прислали на самом деле?

Лекарь Чжоу залился горькими слезами.

— Раб правда не лжет вам! — от боли в животе он затрясся всем телом.

В панике и ужасе он схватил отброшенный в сторону медицинский ящик и дрожащими руками распахнул его перед Хо Уцзю.

— Раб действительно получил приказ лечить ваши раны! Здесь только целебные снадобья! Если не верите — выберите любое, я приму его сам на ваших глазах, чтобы доказать!

Он начал лихорадочно вываливать содержимое ящика, пытаясь открыть каждую баночку. Хо Уцзю молча наблюдал за ним. На этот раз он поверил. Неужели его и правда прислали лечить?

Почему-то перед глазами всплыл вчерашний Цзян Суйчжоу в свете красных свечей. Кролик, который так испугался, что прижал уши к затылку, но при этом отчаянно пытался казаться свирепым зверем. ...Действительно, чтобы отравить его, у принца, пожалуй, кишка тонка.

Хо Уцзю еще мгновение смотрел на лекаря, а затем достал из-за пазухи флакон и бросил на пол темно-коричневую пилюлю.

— Этого хватит на три месяца. О том, что произошло сегодня — ни слова. Через три месяца придешь за следующей порцией, — сказал Хо Уцзю.

Лекарь Чжоу молниеносно схватил пилюлю и запихнул в рот.

— Раз пришел лечить — вставай и делай свое дело, — холодно добавил генерал.

Хо Уцзю взглянул на маленький флакон в своей руке. У него было всего два вида лекарств. Когда его увозили в тюрьму, конвоиры были из бывших подчиненных старого друга его отца, Лоу Юэ. Они закрыли глаза при обыске, позволив ему сохранить кое-что для спасения жизни. Первое лекарство помогало быстро остановить кровь при тяжелых ранах, но вызывало дикую боль во внутренних органах, которая проходила через несколько минут. Второе было укрепляющим, его обычно использовали во время зимних переходов через снега.

Он покосился на лекаря, который, вытирая слезы, спотыкаясь поднимался с колен, и спокойно спрятал флакон обратно за пазуху.